

КАРТВЕЛЬСКІЯ ПОВѢРЬЯ.

I.

Сотвореніе міра.

По вѣрованіямъ свановъ, вначалѣ Богъ сотворилъ небо и велѣлъ итти дождю въ продолженіе шести дней. Сколько въ это время упало капель съ неба, столько появилось и ангеловъ. Богъ ихъ помѣстилъ на небѣ. Послѣ неба и ангеловъ, Богъ сотворилъ землю и наконецъ Адама и Еву. Первыхъ людей Богъ посадилъ въ ковчегъ. Приказавъ имъ до своего прихода никого не слушаться и поставивъ волка ихъ караулить, Онъ самъ поднялся на небо. Сотворенные Богомъ ангелы не подчинились Ему, отчего Богъ въ гнѣвѣ и низвергъ ихъ на землю и превратилъ въ демоновъ. Одинъ изъ этихъ демоновъ вошелъ во внутренность змѣи и соблазнилъ Адама и Еву. Если бы Ева и Адамъ не соблазнились, то, по благословенію Божию, пищу и питье люди получали бы съ неба безъ всякаго труда; у женщины выходили бы младенцы изъ-за пазухи и это происходило бы такъ легко, что мать о рожденіи дитяти узнала бы только на другой день, когда оно попросило бы груди. Впрочемъ, Адама и Еву Богъ простилъ бы, если бы они и второй разъ не разгнѣвали Его. Итакъ, когда Ева забеременѣла и настало время родовъ, то она, чувствуя страшныя боли, начинала стонать и плакать. Странаніе жены обеспокоило Адама и онъ высказалъ слѣдующее желаніе: „Если бы кто облегчилъ женѣ эти боли, то что бы онъ ни попросилъ, я далъ бы“. Самалъ *)

*) Самалъ у свановъ и у другихъ картвельскихъ племенъ самый могущественный изъ демоновъ. Сваны объясняютъ его происхожденіе

явился и сказалъ Адаму: „Я готовъ помочь, но подѣ слѣдующимъ условіемъ: до тѣхъ поръ пока нерожденный (убадебелі) не родится и безсмертный (укудау) не умретъ (одутуа до антѣненс и удгара до адѣнс), пусть твое потомство будетъ въ моей власти“. Адамъ согласился. Такимъ образомъ, потомство Адама и Евы перешло въ распоряженіе Самала. Это извѣстіе дошло до Бога и разгнѣвало Его. Тогда онъ совалъ своихъ ангеловъ на совѣтъ, на которомъ рѣшено было родиться Христу, какъ „нерожденному“ и „безсмертному“. Родился Христосъ и господство Самала пало. Христосъ, по вѣрованіямъ свановъ, жилъ на землѣ только двѣнадцать лѣтъ *).

II.

Небо и земля.

По преданію грузинъ-ингилойцевъ **), въ древнее время небо и земля были тѣсно связаны другъ съ другомъ. Тогда небо находилось такъ близко отъ земли, что человѣкъ рукою касался небснаго свода и главъ его—звѣздъ. Богъ, живя на такомъ близкомъ разстояніи отъ людей, былъ въ постоянномъ общеніи съ ними. Тогда было блаженное время и человѣкъ жилъ счастливо. Но мало-по-малу родъ человѣческой сталъ сбиваться съ пути истины. Но больше всего Бога оскорбила одна женщина ***). Однажды она пекла хлѣбъ въ торнѣ (грузинская пекарня). Сынишка ея какъ рачъ въ это время испачкался. Мать впопыхахъ прибѣжала къ сынишкѣ и обтерла его

слѣдующимъ образомъ: Богъ, путешествуя съ архангелами Михаиломъ и Гавріиломъ по землѣ, бывшей еще въ жидкомъ состояніи, на лыжахъ, наткнулся на камень, а когда онъ его раскололъ, то оттуда выскочилъ Самалъ.

*) Сообщено В. Нижерадзе.

**) Ингилойцы—картвельское племя, живущее въ Закатальскомъ округѣ; изъ прпнявшихъ магометанство, во время господства елисейскихъ султановъ, одна половина возвратилась къ христіанству въ 1850 г. Всѣхъ ингилойцевъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, считается до 13,000 душъ. Разговорнымъ языкомъ у нихъ служить грузинскій.

Авт.

***) Ср. Повѣрья грузинъ Телавскаго уѣзда, стр. 127.

лавашомъ (лаваши—длинный и тоненькій хлѣбъ-ленешка). Богъ, увидѣвъ такое оскверненіе величайшаго своего дара, даннаго смертнымъ, не захотѣлъ долѣе оставаться на столь близкомъ разстояніи отъ земли, и, поднимаясь мѣленно все выше и выше, поднялъ съ собою и небо. Люди умоляли Бога не оставлять ихъ, но все было напрасно. Богъ поднялся на такую высоту, что люди уже не могли его видѣть. Съ тѣхъ поръ небо и земля живутъ раздѣльно; земля называется *მამა-სა* (мать-земля), а небо *აღმა* (выше).

Послѣ того люди уразумѣли святость хлѣба и стали почитать его. Всякій грузинъ, найдя кусокъ хлѣба на дорогѣ, беретъ его, цѣлуетъ и кладетъ въ такое мѣсто, гдѣ его осквернить ничто не можетъ.

III.

Происхожденіе Кавказскихъ горъ.

По повѣрью грузинъ, дьяволъ, находясь во враждѣ съ человѣкомъ, постоянно приходилъ и мучилъ одного любимаго Богомъ человѣка-отшельника, жившаго на вершинѣ самой высокой горы. Въ ту пору Кавказъ представлялъ рядъ горъ, весьма плодоносныхъ и покрытыхъ зеленью. Отшельникъ испросилъ у Бога позволенія расправиться самому съ сатаной. Богъ разрѣшилъ ему это, не спрашивая даже о средствахъ, какія будутъ имъ приняты для достиженія этой цѣли. Отшельникъ раскалилъ щипцы, и когда дьяволъ, по своему обыкновенію, просунулъ голову въ дверь, святой человѣкъ, призвавъ имя Божье, схватилъ его за носъ раскаленными щипцами. Сатана почувствовалъ такую боль, что совершенно растерялся и началъ прыгать и барахтаться на горѣ, ударяя своимъ хвостомъ по Кавказу отъ Анапы до Баку. Сколько разъ сатана ударялъ хвостомъ, столько и образовалось долинъ, ущелій, овраговъ, холмовъ и горъ. Но съ тѣхъ поръ отшельникъ уже не подвергался болѣе искушенію.

IV.

Затменіе луны и солнца.

По повѣрью грузинъ, луна и солнце имѣютъ краговъ. Страшнымъ врагомъ этихъ свѣтилъ служитъ змѣй: ზვეთი ზვეთი, а у свановъ гвѣларшапа. Змѣй нападаетъ на луну или солнце и старается ихъ проглотить. Если бы это удалось змѣѣ, то весь міръ погибъ бы. Чтобы этого не случилось, люди приходятъ на помощь своимъ благодѣтелямъ: какъ только они замѣтятъ, что змѣй захватилъ то или другое свѣтило, то поднимаютъ крикъ и начинаютъ стрѣлять изъ ружій; тогда змѣй пугается и оставляетъ жертву (*). Луна потому и краснѣетъ при затменіи, что змѣй царапаетъ ее и кусаетъ.

По сванскому повѣрью, у гвѣларшапа одинъ бокъ не настоящій, но состоитъ изъ плетени, и когда змѣй глотаетъ солнце, то послѣднее моментально сощипается деревянный бокъ гвѣларшапа и выходитъ вонъ, чтобы освѣщать міръ.

V.

Градъ.

Сваны представляютъ себѣ градъ слѣпымъ существомъ, имѣющимъ мѣстопробываніе на небѣ. Путеводителемъ его служитъ дьяволъ. По временамъ у града появляется желаніе прогуляться по землѣ. Когда онъ объявляетъ своему вожатому о своемъ желаніи пройти по горамъ и ущельямъ, гдѣ ему больше всего нравится, то дьяволъ съ вѣчныхъ снѣговъ и ледниковъ подымаетъ на небо огромныя глыбы льда. Предъ выступленіемъ въ путь, градъ проситъ дьявола не водить его по селеніямъ и нивамъ, такъ какъ онъ не желаетъ причинить людямъ никакого вреда; но сатана обманываетъ его: вначалѣ онъ его водить по горамъ и дикимъ ущельямъ, а потомъ уже какъ разъ по богатымъ нивамъ и зеленымъ садамъ,

*) Стрѣльба при затменіи луны происходитъ почти во всѣхъ грузинскихъ селеніяхъ.

увѣряя, что они продолжаютъ ходить по прежнимъ мѣстамъ, гдѣ они людямъ не могутъ причинить никакого вреда.

Во время града въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, для отвращенія его, такъ молятся:

კვარკვალო ზედნიერო ლელე ლულე იარგო კახის წინამ-

Квареваль счастливый по ущельямъ ходи, града пред-
 ძლომელო გვიშველო დამბადებულო გვიშველო, გვიშველო შენის
 водитель помощи (намъ); Творецъ, помощи, помощи твоею
 მადლისათვის შთაჲარ-ანგელოზო გვიშველო და სხ...
 благодатью; архангелъ, помощи (намъ)!

VI.

Г р о м ъ .

Въ Сванетіи существуютъ два повѣрья о громѣ. По одному повѣрью, громъ производятъ борющіеся между собою девы (деві). Во время битвы девы такъ сильно сталкиваются другъ съ другомъ, что отъ ихъ столкновенія идетъ гулъ по всему небу. Ударъ молніи это ружейный выстрѣлъ девовъ. По другому повѣрью, громъ бываетъ тогда, когда на небѣ дьяволы ватаютъ мѣдные котлы.

По повѣрью грузинъ, громъ происходитъ вотъ отъ чего.

Пророкъ Эліа (Илья), который находится на небѣ, сидя на своей колесницѣ (ტრახტრეანი), запряженной золотыми (другіе говорятъ—огненными) воями, скачетъ во всю мочь по небесному своду, верхняя сторона котораго плоска и состоитъ изъ крѣпкаго слоя льда. Отъ стука колесъ гремитъ громъ и чѣмъ шибче ѣдетъ колесница, тѣмъ сильнѣе раздается громъ и ярче сверкаетъ молніа, прорѣзывающая воздухъ по всѣмъ направленіямъ.

Къ этому преданію грузины-ингилойцы добавляють, что Эліа иногда скачетъ не на трахтревані, а на молотильныхъ доскахъ (кеври), а такъ какъ въ нижнюю часть этихъ досокъ вбиты мелкіе и острые камни, то ѣзда на нихъ по своду ледяного неба производитъ громъ.

VII.

Д о ж д ь .

По сванскому повѣрью, дождь рождается изъ имѣющихся на небѣ озеръ.

Грузинское повѣрье происхожденіе дождя приписываетъ тому же пророку Ильѣ.

Во время засухи грузины прибѣгаютъ къ слѣдующему средству для вызыванія дождя: замужня женщины и дѣвцы дѣлаютъ большую куклу и потомъ обносятъ ее по деревнѣ изъ одного двора въ другой, и при этомъ поютъ слѣдующую пѣсню:

Лазарь пришелъ къ дверамъ нашимъ:

Посмотрѣлъ туда-сюда,

Сѣлъ на *თარო* *) и уподобился лунѣ.

Ой, святой Ильѣ, чего задумался?

Нашу корову тучную тебѣ жертвуемъ!

Движутся тучи, торопится дождь.

Господи, дай намъ *ტალახი* **):

Не хотимъ болѣе *გორახი* ***).

Если ты пошлешь дождь,

Мы зарѣжемъ тебѣ возла.

По окончаніи пѣсни, поселянки поднимаются на крыши своихъ домовъ, куклу и „лазаристовъ“ ****) обливаютъ водою изъ кувшиновъ и дарятъ имъ масло, яйца, свѣчи, и пр.

Если же и это средство не вызоветъ дождя, то женщины впрягаются въ плугъ и проводятъ имъ борозду по засохшей канавѣ, по которой потому, молъ, не идетъ вода, что она засорилась, а по очищеніи ея польются потоки шумные.

Для прекращенія же продолжительныхъ дождей, вредно

*) Таро—полка для посуды.

***) Талахи—грязь.

****) Горахи—комья высохшей грязи.

*****) Женщины, поющія „лазара“.

дѣйствующихъ на посѣвы, прибѣгаютъ къ тому же средству, какъ при засухѣ, только „лазаристки“ теперь при пѣни испрашиваютъ не талахи (грязь), а горахи.

VIII.

Р а д у г а.

О причинѣ появленія радуги не сохранилось у грузинъ повѣрья, но семь цвѣтовъ ея они объясняютъ такъ: красный цвѣтъ знаменуетъ собою кровь, фіолетовый—вино, желтый—урожай пшеницы, зеленый—обиліе растительности, синій—ведро, голубой—миръ, багровый—войну. Такимъ образомъ, по цвѣтамъ радуги можно заранѣе узнать, каковъ будетъ урожай, будетъ ли война и пр. По преданію, концы радуги упираются о кладъ; если человѣкъ достигнетъ того мѣста, гдѣ спускается конецъ радуги и разроетъ землю, то онъ навѣрно найдетъ кладъ.

IX.

С о н ъ в с е л е н н о й .

По повѣрью грузинъ-ингилойцевъ, ежегодно бываетъ такой моментъ, когда на всякую тварь нападаетъ сонъ. Въ это время спитъ все: и вода, и земля, и огонь, и воздухъ, и всякое дыханіе, и всякое растеніе, и всякая планета, и ангелы, —однимъ словомъ, спитъ вся вселенная, и ничего тогда не движется: текучая вода останавливается (съ водопадовъ низвергающаяся каскадомъ вода и то столбомъ стоитъ), вѣтры перестаютъ дуть, огонь перестаетъ жечь, земля перестаетъ произрастать растенія. Въ это время открываются двери неба (᠑᠗ᠪᠠᠰᠤ) и показывается лучезарный Богъ. Кто изъ людей увидитъ все это, т. е. сонъ вселенной и, глядя на цисвари, помолится Богу, то онъ получитъ все, что бы ни пожелалъ отъ Бога: просишь богатства, получишь богатство; просишь мудрости—мудрость; просишь славы—славу;

просишь силы—силу; просишь долголѣтней жизни—долголѣтїе и пр.

Ингилойцы, рассказывая это преданіе, даже называютъ людей, которые будто бы удостоились видѣть сонъ вселенной и лицерѣть лучезарнаго Бога, смотрящаго на вселенную изъ своихъ вратъ-цискари.

Это повѣрѣе служитъ основаніемъ слѣдующей грузинской поговорки:

ერთი პირი ძილი წუგლავს მოუვა *).

Минутный сонъ и на воду нападаетъ.

Х.

М і р о в о й я з ы к ъ .

Въ первое время, говорятъ ингилойское преданіе, былъ одинъ картули **), и на немъ говорило все и вся: и люди, и земля, и вода, и огонь, и воздухъ, и растенія, и звѣри, и всякія другія твари. Но, по прошествіи многихъ вѣковъ, картули развѣтвился, и каждая тварь стала говорить на своемъ картули. Прежде всѣ понимали другъ друга, а теперь уже перестали понимать. Люди стали говорить только на своемъ картули, вода—на своемъ, огонь, земля, воздухъ, растенія, птицы, звѣри—каждый на своемъ. Прошло еще много вѣковъ, и люди перестали понимать другъ друга: они стали говорить на разныхъ нарѣчіяхъ. Впрочемъ, изъ всѣхъ тварей осталась одна змѣя, которая знаетъ всѣ картули—древніе и новые, одушевленныхъ тварей и неодушевленныхъ.

Вотъ какъ узнали, что змѣя говоритъ на всѣхъ языкахъ ***).

Шелъ явкій человекъ. Идетъ онъ и видитъ, что четыре черныхъ змѣи дерутся съ одной бѣлой змѣей и хотятъ ее

*) Эрти—одинъ, пири—сторона; эрти—пири—буки. односторонній.

***) Картули (ქართული) букв. значить картвельскій (грузинскій). Это слово у грузинъ употребляется и въ смыслѣ народа и языка. Авт.

***) Сравни „Овн-Пиримъ“, VII выпускъ Сборн. матер. для опис. этн. и плем. Кав. Ред.

убить. Человѣкъ, сжалившись надъ нею, ударилъ камнемъ по чернымъ змѣямъ и угодилъ одной изъ нихъ въ хвостъ, который отъ удара отпалъ; черныя змѣи испугались и разбѣжались. Отбитая же бѣлая змѣя сказала своему спасителю, чтобы онъ послѣдовалъ за нею къ змѣиному царю: она была дочь этого царя.

Человѣкъ тотъ послѣдовалъ за нею. По дорогѣ бѣлая змѣя сказала ему: „Мой повелитель и отецъ за мое спасеніе пожелаетъ тебя щедро вознаградить, но ты никакого дара не принимай, а только попроси, чтобы онъ плюнулъ тебѣ въ ротъ“. Скоро они достигли до змѣинаго дворца, оберегаемаго грозною змѣиною стражею. При видѣ царевны всѣ разступились и свободно пропустили человѣка и царевну въ покой дара. Царь, выслушавъ отъ своей дочери всѣ подробности случившагося, разгнѣвался, призвалъ своихъ вельможъ и приказалъ имъ разыскать дерзкую черную змѣю. Вельможи созвали всѣхъ змѣй царства и между ними нашли безхвостую черную змѣю и ея трехъ сотоварищей и представили царю. Царь приказалъ ихъ растерзать, что и было въ точности исполнено. Затѣмъ царь спросилъ человѣка, что онъ желаетъ получить за спасеніе его дочери. Человѣкъ попросилъ, чтобы змѣиный царь плюнулъ ему въ ротъ. Царь сказалъ: „Я исполню твою просьбу, но ты погибнешь, если кому-нибудь откроешь свою тайну“. Когда просьба этого человѣка была удовлетворена, то онъ откланялся царю и вышелъ изъ дворца. Какъ только онъ вышелъ изъ царскихъ чертоговъ, то услышалъ разноязычный говоръ: говорила земля, говорила вода, говорилъ огонь, говорилъ воздухъ, говорили травы, камни, насѣкомыя, птицы, звѣри, небесныя свѣтила, деревья и пр. И говоръ каждой изъ тварей ему былъ понятенъ.

Вернулся онъ домой.

Послѣ этого прошло много времени. Однажды этотъ чело-

вѣкъ везъ на жеребной кобылицѣ свою жену къ ея роднѣ. Вмѣстѣ съ матерью бѣжало на той же кобылицѣ двое дѣтшекъ: одного мать держала на рукахъ, а другой сидѣлъ позади ея. У этой кобылицы былъ годовалый жеребенокъ, который бѣжалъ позади. Когда они проѣзжали по зеленому лугу, жеребенокъ остановился и сталъ щипать сочную траву, благодаря чему отсталъ на большое разстояніе. Сильнымъ и пронзительнымъ ржаніемъ онъ подалъ вѣсть матери. Кобыла отвѣтила тѣмъ же. Слышавшій это человекъ громко расхохотался. Жена, въ недоумѣніи, спросила мужа о причинѣ его смѣха. Мужъ отвѣтилъ:

— „Жена, тебѣ нѣтъ дѣла до моего смѣха“.

— „Прошу тебя сказать мнѣ“, умоляла жена.

— „Нѣтъ, не скажу“, возразилъ мужъ.

— „Умоляю“.

— „Напрасно ты меня просишь!“

— „Если не скажешь, то я вернусь домой“.

— „Милая, не могу тебѣ сказать, потому что мнѣ приказано не говорить объ этомъ никому“.

Когда вернулись домой, то жена опять пристала къ мужу.

— „Еще разъ умоляю тебя, открой мнѣ причину твоего смѣха“.

— „Хорошо, я тебѣ открою, но знай, что какъ только я открою тебѣ тайну, такъ тотчасъ же меня не станетъ“.

Разказалъ мужъ женѣ о причинѣ своего смѣха.

— „Ржаніе жеребенка и его матери“ разказывалъ онъ: „это былъ разговоръ между ними. Они на своемъ языкѣ переговаривались другъ съ другомъ. Жеребенокъ, оставшійся позади, говорилъ далеко ушедшей матери: „Мама, какъ ты быстро бѣжишь, я не могу тебя догнать!“. На это мать отвѣтила: „Почему ты не прибавишь шагу? Трехъ я ношу на своей спинѣ, одного имѣю въ животѣ и, хотя я самъ-пять, все

чувствуемъ мы, люди второй эпохи, отъ увушенія пчелы. Великанъ, съ роду не видѣвшій стрѣлы, вынулъ ее, разсмотрѣлъ хорошенько, съ удивленіемъ, и сказалъ: „Боже мой, что это за вещь!“ откуда она взялась?“ и, оглянувшись, въ вустахъ увидаль бѣгущаго карлика. Великанъ потнался за нимъ и, сдѣлавъ два-три гигантскихъ шага, успѣвъ поймать карлика. Вида неминуемую гибель, карликъ сталъ упрашивать великана пощадить его. Великанъ исполнилъ его просьбу и, засунувъ карлика въ голенище своего сапога, вернулся въ своему плугу и сталъ работать. По окончаніи работы онъ погналъ буйволовъ домой. Придя домой, онъ сказалъ матери:

— „Матушка, я принесъ одного удивительнаго человека. У него все по-нашему: и усы, и лицо, и ротъ, и руки, и голова, и ноги; но ростомъ онъ съ мизинецъ“.

— „Гдѣ же онъ, сыночекъ“, спросила мать.

— „А вотъ, матушка“. При этихъ словахъ великанъ вынулъ изъ голенища карлика и поставилъ предъ матерью.

— „Да вѣдь, это человекъ второго поколѣнія!“ воскликнула она: „послѣ насъ подобные люди будутъ господствовать надъ міромъ и пользоваться его благами“.

— „Развѣ это возможно“, возразилъ сынъ матери: „чтобы подобные люди могли господствовать надъ міромъ. Куда же они годятся! Развѣ они могутъ трудомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба?“

— „Сынъ мой“, продолжала мать: „они будутъ умнѣе насъ“.

— „Ну, какъ же они будутъ ухаживать, примѣрно, за такими высокими лопадьми, каковы у насъ; они даже не въ состояніи накормить ихъ ячменемъ“.

— „Силою своего ума и своего знанія. Ну-ка, дай ему мѣшокъ съ ячменемъ и тогда узнаешь, сумѣетъ ли онъ накормить вашу лопадь“.

Великанъ далъ карлику мѣшокъ съ ячменемъ. Карликъ взялъ мѣшокъ, подошелъ къ лошади и показалъ ей ячмень. Увидѣвъ илюбленную свою пищу, лошадь заржала и опустила шею, чтобы поѣсть ячменю. Въ это время карликъ накиннулъ узы мѣшка на шею лошади, и она подняла его съ ячменемъ вверхъ и начала ѣсть.

Видя это, великанъ удивился, и мать сказала ему:

— „Вотъ, видишь, сколько ума у этого карлика; умъ этотъ онъ приложитъ ко всему, и во всемъ ему будетъ успѣхъ“!

И пословица говорить:

დიდი თავი, ჭკუა მოკლე.

Большая голова, умъ короткій;

პატარა თავი, ჭკუა დიდი

Маленькая голова, умъ великій:

პატარა, და მაღიანია

Малъ есть, да милъ есть *).

XII.

Загробная жизнь.

По представленію ивгилойцевъ, въ загробной жизни души умершихъ продолжаютъ жить такъ же, какъ и на этомъ свѣтѣ: они нуждаются въ одеждѣ, въ пищѣ, въ веселомъ препровожденіи времени и пр. Только тамъ не бываетъ супружеской жизни; человѣкъ тамъ свободенъ отъ обязанностей по отношенію къ семейству и отъ всѣхъ прочихъ житейскихъ заботъ. Все, въ чемъ онъ можетъ нуждаться въ загробной жизни, должны доставлять ему его живые родственники: и пищу, и питье, и платье. Колонія умершихъ тамъ раздѣлена на участки, а участки на роды. Каждый родъ представляетъ изъ себя одну семью, одинъ очагъ, который управляется старшимъ въ родѣ. Поэтому грузинъ-ивгилоецъ считаетъ великимъ несчастьемъ, если кто-нибудь умретъ на чужбинѣ, и его похоронять

*) Сравни: Маленькій, да удаленькій.

тамъ же, ибо таковой навсегда лишается возможности попастьъ въ родной „Гори“ (такъ называется мѣсто загробной жизни), и приходится ему влачить жалкую жизнь. Въ „Гори“ находится громадная равнина, гдѣ имѣются роскошные сады, виноградники, нивы и роскошные луга съ пасущимися на нихъ стадами овецъ. Предъ каждымъ родомъ стоитъ особый столъ, на которомъ стоитъ только то, что освящено въ честь умершихъ ихъ живыми родственниками. Радуются только тѣ изъ умершихъ, которыхъ не забываютъ ихъ родственники и обильно освящаютъ въ честь ихъ разнообразную пищу, питье и пр. Печально сидятъ за столомъ тѣ, которые забыты живыми родственниками. Такіе бѣдняки ничѣмъ не могутъ пользоваться, такъ какъ въ „Гори“ не принято одолжаться чѣмъ-нибудь другъ другу. Таковой умершій сидитъ угрюмо и плачетъ, свѣсивъ голову и жалуясь на свою горькую судьбину: „голодаю“, говоритъ онъ ближнимъ: „родственники мои мнѣ ничего не прислали, ничѣмъ не помянули“. Хотя у умершихъ за столомъ много яствъ, но они не ѣдятъ ничего, а только довольствуются однимъ видомъ купаній и запахомъ ихъ.

Вѣра ингилойцевъ въ загробную жизнь доходитъ до того, что они даже называютъ людей, которые якобы удостоились счастья при жизни побывать на томъ свѣтѣ. Рассказываютъ, напр., что нѣкто Ц. К. былъ опасно боленъ. Находясь въ послѣдней агоніи, онъ на нѣкоторое время умеръ (вѣроятно заснулъ летаргическимъ сномъ). Но потомъ, когда пришелъ въ себя, и родственники спросили его, что было съ нимъ, тогда онъ рассказалъ слѣдующее: „Я былъ въ „Гори“. Тамъ на краю „Гори“ было смоляное озеро. Умершіе мнѣ сказавали, чтобы я перепрыгнулъ черезъ него; моя бабушка, бывшая тамъ же, посоветована мнѣ перепрыгнуть такъ, чтобы не коснуться смолы ногою: такъ я и сдѣлалъ и, перепрыгнувъ, вошелъ въ „Гори“. Вижу я, разостлана большая скатерть, за которой

сидятъ умершіе и пируютъ. И наши родные были между ними. За столомъ было такое множество яствъ, что человекъ и не можетъ перечестъ. Пирующие пѣли, играли на нагара-зурнѣ *) и плясали“.

Вотъ разсказъ одной ингилойки о томъ же: „Когда я болѣла тифомъ, то на одинъ моментъ попала въ „Гори“. Тамъ всѣ умершіе мило бесѣдовали другъ съ другомъ. Тамъ я увидѣла своего дѣда, бабушку, дѣтей, братьевъ, родственниковъ и пр.; маленькаго моего брата дѣдъ держалъ въ своихъ объятіяхъ и убаюкивалъ его. Вдругъ заиграла веселая музыка и стали вовлаптать, что ведутъ молодицу. Всѣ пошли навстрѣчу ей. Пошла и я и увидѣла, что ведутъ молодицу Цібеуевыхъ (во время болѣзни разсказчицы упомянутая молодая женщина дѣйствительно свончалась). Тогда моя бабушка сказала мнѣ: „Зачѣмъ пришла ты сюда? еще не время быть тебѣ здѣсь: выйди вонъ отсюда“. При этомъ она толкнула меня и выгнала. Въ „Гори“ много большихъ и разукрашенныхъ домовъ. Загробный міръ вѣчно освященъ лучами солнца“.

Ингилойцы утверждаютъ, что при входѣ въ „Гори“ имѣется большое смоляное озеро, чрезъ которое переброшенъ узкій мостъ, обмазанный липкимъ веществомъ **). По этому мосту праведники очень легко переходятъ въ рай, а грѣшники, дойдя до середины моста, падаютъ въ озеро, гдѣ и мучаются въ кипучей смолѣ. На самой границѣ того свѣта стоитъ ცხოვრების გამომცემი (опредѣлитель жизни), который на вѣсахъ взвѣшиваетъ добродѣтели и злодѣянія представшаго

*) Название туземнаго музыкальнаго инструмента.

**) Такимъ веществомъ нѣкоторые считаютъ масло и при этомъ разсказываютъ, что другъ и доброжелатель людей—собака, желая облегчить людямъ переходъ въ рай, своимъ языкомъ облизываетъ поверхность моста, но вѣчный врагъ людей—кошка, какъ только замѣтитъ, что поверхность моста уже обсохла, своимъ хвостомъ опять мажетъ смолою по мосту и безъ того трудный переходъ дѣлаетъ еще болѣе затруднительнымъ.

ся—добродѣтели на правой чашкѣ вѣсовъ, а злодѣянiя на лѣвой. Если опустилась правая чашка, то умершiй идетъ въ рай, а если лѣвая—въ адъ.

Такое повѣрье обязываетъ ингилойца нести громадныя расходы на поминанiе усопшихъ. Такъ какъ умершiе требуютъ отъ своихъ живыхъ родственниковъ слишкомъ многого, то эти послѣднiе, особенно бѣдные, въ заботѣ объ нихъ, окончательно разоряются.

Съ того момента, когда „прилетѣвшая бабочка уноситъ душу умершаго“, начинаются заботы о наилучшемъ обставленiи въ „Гори“ скончавшагося.

Какъ только больной испустилъ духъ, старшiй членъ семьи кладетъ неостывшее еще тѣло лицомъ вверхъ, выпрямляетъ его ноги, закрываетъ вѣки и у изголовья кладетъ чашку вина, чашку воды, чашку пшеничныхъ зеренъ и лучшую одежду; на чашку же съ зернами ставитъ три зажженныхъ свѣчи. Все это имѣетъ, конечно, свое предназначенiе: вино предназначено для питья умершаго, пшеница для застѣванiя его загробныхъ нивъ, вода для поливки ихъ, одежда для ношенiя умершимъ на томъ свѣтѣ, свѣчи—для освѣщенiя его шестви въ „Гори“. Умершей женщинѣ, вмѣсто пшена, даютъ въ руки мотокъ нитокъ, такъ какъ въ загробной жизни, какъ и въ этой, ей придется имѣть дѣло съ ниткой и иголкой: шить и чинить платье для домочадцевъ и для себя. Послѣ этого, особый посыльный даетъ знать сельчанамъ о постигшемъ семью горѣ и они слѣзаятъ въ домъ умершаго для оплакиванiя его. Предъ похоронами тѣло усопшаго обмываютъ водою и надѣваютъ на него новую одежду. Затѣмъ куски холста, посыпанные ладаномъ, кладутъ на лицо и на грудь его, въ переносыя всовываютъ по кусочку ладана, въ лѣвую его руку кладутъ гривенникъ *), въ правую надвое

*) Этотъ гривенникъ умершiй долженъ подарить привратнику „Гори“, чтобы онъ отворилъ ему двери рая. Авт.

сложенную свѣчу, которую зажигаютъ и потомъ сейчасъ же тушатъ. Послѣ этого, тѣло его завертываютъ въ бѣлый саванъ и кладутъ на носилки, сдѣланныя изъ ивоваго дерева. Сверху кладутъ кусокъ шелковой тафты, кусокъ ситца, кусокъ черной бязи и всѣмъ этимъ обвязываютъ носилки. При выносѣ тѣла одинъ изъ мальчиковъ беретъ камешекъ и, бросая въ сторону несущихъ гробъ, возглашаетъ: „Изъ твоей доли здѣсь ничего болѣе не остается; ты, что тебѣ слѣдовало, все уже получилъ; теперь оставь насъ въ покоѣ!“ Но на самомъ дѣлѣ этимъ не ограничиваются заботы по умершемъ. Во-первыхъ, его хоронятъ вмѣстѣ съ его одеждой, постелью, оружіемъ (а женщинъ съ ихъ украшеніями), и у изголовья могилы садятъ какое-нибудь фруктовое дерево, чтобы умершій въ „Гори“ не оставался безъ фруктовъ, и, во-вторыхъ, въ продолженіе цѣлаго года, а иногда и семи лѣтъ (это зависитъ отъ великихъ или малыхъ заслугъ умершаго) въ честь его рѣжутъ животныхъ и освящаютъ пищу. Въ день похоронъ закалывается откормленный теленокъ или баранъ (это зависитъ отъ достатка живыхъ его родственниковъ), готовятъ разнообразныя кушанья и угощается большая толпа посѣтителей. Предъ питьемъ вина каждый изъ гостей сначала отливаетъ на хлѣбъ капельку вина и потомъ, говоря: „Да спасетъ тебя Богъ“, осушаетъ чарку. Оплакиваніе усопшаго со дня похоронъ продолжается вѣлчительно до сорокового дня. На второй день похоронъ оплакиваютъ только одиѣ женщины, а на третій день уже всѣ — какъ мужчины, такъ и женщины. Это оплакиваніе называется „таглоба“, то же, что тризна. На татлобу мясной пищи не полагается, а только — хлѣбъ, пловъ, яйца, фрукты, молочная каша, вино и пр.; посѣтители также приходятъ не съ пустыми руками, но приносятъ съ собою кушанья и напитки. Затѣмъ всѣ эти яства укладываютъ посреди дома на скатерти, а ховайка на винныхъ кувшинахъ зажигаетъ пять свѣчей и всѣ яства окуриваетъ ладаномъ, при

чемъ кадильницей служить шумовка; когда же ховаяка въ нее владеть кусочки ладана, то произносить: „Да спасетъ его Богъ, да введетъ въ рай“. То же самое дѣлаютъ и говорятъ всѣ присутствующія женщины. Послѣ этого, усаживаются всѣ и угощаются, при чемъ каждый гость получаетъ по три хлѣбца, отвѣдываетъ прочихъ яствъ и пьетъ вино. Когда гости расходятся, то берутъ съ собою домой кое-что изъ пищи и питья.

Седьмой день назначенъ для снятия траура по усопшемъ. Въ этотъ день расходы хозяина бываютъ такіе же, какъ и въ предыдущіе дни. Снятие траура состоитъ въ томъ, что родственники и сосѣди мужескаго пола, вмѣстѣ съ мужчинами въ домѣ умершаго, брѣютъ свои головы и бороды. Женщины же никогда не носятъ траура; наоборотъ, онѣ всѣ со дня смерти усопшаго наряжаются въ лучшія одежды и такъ оплакиваютъ покойника.

Самый крупный расходъ бываетъ въ день великой трязны. Въ этотъ день заказываются или три головы крупнаго скота, или три барана, или два барана и одинъ пѣтухъ, или одинъ откормленный теленокъ и два барана. Изъ нихъ для души освящается только баранъ или пѣтухъ. Предъ рѣзаніемъ животныхъ имъ даютъ отвѣдывать соли и обжигаютъ свѣчкою шерсть на головѣ (а у пѣтуха—перья). Послѣ этого, готовятъ яства въ изобиліи и угощаютъ совзванныхъ въ большомъ числѣ гостей, предварительно окуривъ пищу ладаномъ, какъ это было сдѣлано въ день похоронъ. Оплакиваніе умершаго бываетъ и дома и на самой могилѣ. Когда гости расходятся, то также получаютъ пищу въ изобиліи.

Со дня смерти до окончанія сорокового дня въ честь умершаго ежедневно ставится въ домѣ особая пища и окуривается ладаномъ. По вѣрованіямъ ингилойцевъ, во все это время усопшій невидимо присутствуетъ въ родномъ до-

мѣ и питается запахомъ и самимъ видомъ освящаемой въ его память пищи.

Общіе поминки по усопшихъ бываютъ ежегодно два раза: въ пятницу Страстной недѣли и въ день Успенія Богоматери. Въ эти дни изъ каждаго дома всѣ домочадцы на арбахъ и на лоша-дяхъ везутъ громадное количество яствъ на кладбище и, опла-вавъ усопшихъ, садятся тамъ же, угощаются сами и угоща-ютъ всѣхъ пришедшихъ сюда постороннихъ посѣтителей.

Ингилойцы вѣрятъ, что если усопшихъ оставить безъ освященія пищи, то они въ загробной жизни будутъ голо-дать и печалиться. И въ доказательство этого они расска-зываютъ, что умершіе лезгины, для которыхъ ничего не освя-щается и которые хоронятся голыми, въ „Гори“ ходятъ на-гими и вѣчно голодаютъ. Они бѣдные выпрашиваютъ мило-стыню, но такъ какъ тамъ не принято дарить что-либо дру-гому, то имъ и никто ничего не даетъ. Но магометане стара-ются у христіанъ красть пищу, и, если христіане замѣтятъ повражу, то они ихъ гонятъ отъ себя прочь.

Слодѣи часто не принимаются землею и она, возвра-щаясь къ жизни, дѣлаются волю-человѣками (მკვლ პტი).

Такъ заботится ингилоецъ о своихъ усопшихъ. Его вѣро-ваніе освобождаетъ его отъ всякихъ заботъ только по душахъ умершихъ дѣтей. Для таковыхъ въ „Гори“ имѣется молочное озеро, на берегу котораго растетъ широколиственное дере-во. На этомъ деревѣ сидятъ дѣти, веселыя и сытныя, ибо когда они захотятъ ѣсть, упомянутое дерево нагибается до поверхности молочнаго озера, и дѣти въ это время насыща-ются молокомъ; затѣмъ дерево опять выпрямляется и поды-маетъ вверхъ „святыхъ“ души.

Грузины представляютъ себѣ загробную жизнь слѣдую-щимъ образомъ:

მკვლ და ვხანე
(Я) пошелъ и увидѣлъ

სამოთხის

სახე

Райскій (რავ) видъ (ობრავ);

ელემსა გარე შემოუარე:

Эдема вокругъ (я) обошелъ:

ოთხი წყარო დის

Четыре рѣки текутъ (тамъ),

ოთხოს მხრიით მოდის;

(Съ) каждой стороны идутъ;

მითი მოიწვევის ყოველი არე

Ими орошается всякая сторона.

სიზმრათა ვხანე ვლემო

Во снѣ (мнѣ) спился эдемъ

აღმოსავლეთის თავშიო:

Востока на вершинѣ (краю):

არის მზე არის მთუარე

(Тамъ) есть солнце, есть луна,

მრავალ ვარსკვლავი ცაშიო

Множество звѣздъ (на) небѣ.

მივდივარ სანუკვარდა წმინდა ედემის ბაღშიო.

Иду насладиться въ святой эдемскій садъ.

მაველ და ხეხილოთ გადვებდე:

Пришелъ и на фруктовыя деревья взглянулъ:

ჩარიგებულა რიგშია

Они насаждены въ порядкѣ,

ზოგი მწიფეს, ზოგი ყვავილობს

Одни поспѣваютъ, одни цвѣтуть,

ზოგსა მკუნენი ახნია

На однихъ неспѣлыя (плоды) висятъ.

ერთი რამ კუპრის ტბა არს

Одно какое-то смоляное озеро есть;

აქედგან მისავალშია

Отсюда идемъ (туда):

ზედ წერილი ბეწვის ხილი ქვეს

Надъ (нимъ) тоненькій (въ) волосокъ мостъ лежитъ;

ვინ გადაზომავს თვალშია!

Кто измѣритъ (его) глазомъ!

მართალნი მარდად გადიან

Праведники смѣло переходятъ (черезъ него),

დაპყვიდრდებიან ბალშია;

Поселяются въ саду;

ცოდვილნი ძირსა ცვივიან

Грѣшники внизъ падаютъ,

იღუპებიან ცბაშია.

Погибаютъ въ оверѣ.

ХІІІ.

Л ѣ ш и ѣ .

Лѣшій (აღლი) похожъ на человѣка. На его голомъ тѣлѣ, вмѣсто волосъ, растутъ колючки. Лѣшіе, какъ и люди, принадлежатъ къ мужескому и женскому поламъ. Какъ принадлежащіе въ первому, среди людей, сильнѣе послѣднихъ, такъ и лѣшій-мужчина сильнѣе лѣшаго-женщины. По временамъ они являются людямъ то въ видѣ дитяти, то взрослого мужчины, то старика или старухи.

Лѣшій-мужчина обыкновенно самъ нападаетъ на человѣка, а лѣшій-женщина, представъ предъ человѣкомъ въ видѣ необыкновенной красавицы, соблазняетъ его и губить.

Про лѣшихъ мужчинъ разсказывается въ Кахетіи слѣдующее.

Нѣкій человѣкъ, потерявши лошадь, пошелъ искать ее въ вечернюю пору. Долго онъ искалъ свою потерю, но безуспѣшно: лошади и слѣдъ простылъ. Тѣмъ временемъ совсѣмъ стемнѣло, и, опечаленный своей неудачей, онъ пошелъ назадъ. По дорогѣ, проходя по ущелью, онъ впереди себя увидѣлъ чрезвычайно высокаго человѣка и издали же громкимъ голосомъ привѣтствовалъ его обычнымъ „гамарджоба“ (здравствуй). Но отвѣта не послѣдовало. Первый опять повторилъ „гамарджоба“. Но и на этотъ разъ не получилось никакого отвѣта:

онъ увѣрился тогда, что встрѣтился съ лѣшимъ, и былъ радъ, что первымъ онъ, а не лѣшій, произнесъ это привѣтствіе, что и сулило ему побѣду въ предстоящей борьбѣ съ нечистой силой *). Лѣшій, недолго думая, напалъ на противника, но, по истеченіи нѣсколькихъ часовъ единоборства, былъ побѣжденъ. Тогда побѣжденный лѣшій взмолился о пощадѣ, которую и получилъ. Высвободившись изъ рукъ побѣдителя, онъ исчезъ во тьмѣ ночной, а человекъ благополучно добрелъ до своей деревни и рассказывалъ о случившемся своему семейству.

Вотъ другой случай встрѣчи человека съ лѣшимъ, рассказываемый одинаково повсюду въ Грузіи.

Въ сумеркахъ одинъ жнецъ шелъ себѣ спокойно домой. Проходя по оврагу, онъ замѣтилъ позади себя, на нѣкоторомъ разстояніи, дитя. Онъ сталъ звать его къ себѣ, но дитя упорно молчало. Тогда человекъ, думая, что дитя заблудилось, самъ направился къ нему, чтобы взять его въ деревню. Но тутъ случилось нѣчто необыкновенное: по мѣрѣ его приближенія къ дитяти, оно удалялось все болѣе и болѣе. „Ну, Богъ съ тобою“, наконецъ произнесъ человекъ, повернулся и пошелъ назадъ. Но вотъ бѣда: оглянувшись, онъ увидѣлъ, что дитя теперь слѣдуетъ за нимъ. Тутъ только онъ догадался, что дѣло имѣетъ съ лѣшимъ. И точно: дитя вдругъ выросло въ двойной человѣческой ростъ и бросилось на озадаченнаго крестьянина. Началась борьба. Послѣ долгой борьбы, крестьянинъ, собравъ всѣ свои силы, крѣпко схватилъ противника за висти рукъ, взбросилъ его въ себѣ на спину и быстрыми шагами пошелъ въ деревню. Лѣшій сколько ни барахтался, но ничего не могъ подѣлать съ сильнымъ крестьяниномъ. Вотъ крестьянинъ уже въ деревнѣ и даже у калитки воротъ своего дома. Крестьянинъ пролѣвъ въ калитку,

*) При встрѣчѣ съ нечистымъ духомъ побѣдителемъ остается тотъ, кто успѣетъ первымъ произнести привѣтственное слово. *Аст.*

таща свою ношу, но лѣшій уперся ногами объ веретешки воротъ, такъ что нельзя его было протащить во дворъ. Послѣ продолжительныхъ усилій, наконецъ, крестьянину удалось не только втащить его во дворъ, но и въ свою хату. У очага стали онъ звать своихъ домочадцевъ, но всѣ, по напущенію нечистой силы, спали непробуднымъ сномъ, и сколько ни кричалъ крестьянинъ, они не могли проснуться. Выбившись изъ силъ, крестьянинъ освободилъ свою правую руку, чтобы положить дрова и развести огонь. Въ это время лѣшій, рванувшись изъ всѣхъ силъ, высвободился и выбѣжалъ на дворъ. Крестьянинъ погнался за нимъ и сталъ кричать и звать сосѣдей. Но уже было поздно: лѣшій исчезъ.

Вотъ еще одно сказаніе о лѣшихъ *).

Житель сел. Шроши, вл. Абашидзе, чрезъ нарочнаго, по имени Хосико Ниникашвили, отправилъ письмо къ своей матери въ г. Кутаисъ. Хосико былъ вооруженъ съ ногъ до головы. Въ полночь ему пришлось проходить чрезъ густой аджаметскій лѣсъ. Онъ былъ уже въ самой чащѣ, какъ послышался чей-то голосъ, зовущій его: „Хосико Ниникашвили, Хосико!“ Хосико остановился, и подумавъ, что кто-то идетъ въ догонку за нимъ, отделился. Незнакомый отвѣтилъ: „Подожди меня“. Хосико нашелъ сухое дерево, высѣкъ огонекъ и развелъ костеръ. Погода нѣкоторое время, онъ увидѣлъ, что идетъ къ нему какой-то великанъ. Хосико въ немъ узналъ лѣшаго. Послѣдній произнесъ: „Гамарджоба“. Хосико ничего не отвѣтилъ. Лѣшій попросилъ у него вина. Хосико обрадовался **) и далъ вина. Лѣшій выпилъ много, опьянѣлъ и тутъ же заснулъ. Этому и желалъ Хосико: рукояткою внизъ и остриемъ вверхъ онъ воткнулъ въ землю свой

*) Напечатанное въ газ. „Иверія“ 1888 г. (№ 177)).

**) Такъ какъ зналъ, что лѣшіе весьма любятъ вино и пьянѣютъ скоро.

винжалъ и сверху навиннулъ свою бурку, а самъ спрятался въ дуплѣ ближайшаго дерева, прицѣлившись ружьемъ и зорко слѣдя за лѣшимъ. Послѣдній, проснувшись, оглянулся кругомъ и, видя предъ собою бурку Хосика, оцѣнившись своими иглами, поднялся высоко-высоко и сверху набросился на бурку, желая смять Хосика, котораго предполагалъ подъ ней. Но вмѣсто Хосика, онъ навололся на винжалъ, который пронзилъ его насквозь. Въ это время раздался и выстрѣлъ: пуля угодила ему въ бокъ. Лѣшій привскочилъ, заревѣлъ и, говоря: „однакожь этотъ негодный убилъ меня“, скрылся. Тогда Хосико вышелъ изъ дупла, притащилъ чурбанъ и, укрывъ его своей буркой, самъ опять спрятался въ дуплѣ, предварительно зарядивъ ружье двумя пулями. Черезъ нѣкоторое время онъ увидѣлъ, что идетъ какой-то хромой человѣкъ, съ топоричемъ на плечѣ. Пришелъ, замахнулся топоромъ и сильнымъ ударомъ надвое разсѣкъ бурку Хосика, сказавши: „Ты убійца моего брата: такъ тебѣ и слѣдуетъ!“ Въ это время раздался выстрѣлъ. „Двухъ братьевъ ты убилъ!“, сказалъ раненый лѣшій и исчезъ.

Послѣ этого Хосико пошелъ своей дорогой и прибылъ въ Кутаисъ. Княгиня Абашидзе приняла отъ него письмо и стала спрашивать о новостяхъ. Но Хосико молчалъ: оказалось, онъ онѣмѣлъ отъ страха. Она тотчасъ же пригласила священниковъ, по молитвамъ которыхъ Хосико исцѣлился и рассказалъ все случившееся. Для проверки словъ Хосика, вмѣстѣ съ нимъ, княгиня отправила 12 вооруженныхъ всадниковъ, которые, прибывъ въ Аджаметы, видѣли лужу крови, слѣды огня и, идя дальше по слѣдамъ крови, услышали душу раздирающіе крики изъ глубины пещеры; это лѣшіе оплакивали его брата, его дядю, его отца и пр. Всадники вернулись въ Кутаисъ и обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ сообщили своей госпожѣ.

XIV.

В о д я н о й.

Время отъ 15 октября до 7 ноября считается мѣсяцемъ водяного (ჭობა, ალი); онъ маленькаго роста, съ длинными волосами и живетъ въ рѣкахъ, озерахъ и, вообще, во влажныхъ мѣстахъ. Лицомъ онъ очень красивъ и похожъ болѣе на дѣвушку. Часто онъ сидитъ на обрывистомъ рѣчномъ берегу и золотымъ гребнемъ расчесываетъ свои длинные и серебристо-каштановые волосы. Этотъ духъ, котораго мы дальше будемъ называть его грузинскими именами „чинка или али“, такъ силенъ, что можетъ приподнять большой домъ.

Въ Имеретіи увѣрены*), что въ дни прибытія „али“ (15 октября) или его ухода (7 ноября) непременно должны быть дожди. Если 15 октября случится дождь, то крестьяне говорятъ: „Али съ дождемъ пришелъ“, а чтобы онъ ко дню своего прибытія не причинилъ зла, принимаютъ слѣдующія мѣры: берутъ камешки или куски глины, дѣлаютъ на нихъ изображеніе креста и забрасываютъ ихъ въ ковюшни, въ хлѣва, перебрасываютъ чрезъ кувшины (винные), или кладутъ на платье и пр., говоря при этомъ: „Печать св. Георгія!“ По повѣрью народа, гдѣ будутъ такіе камешки съ крестиками, тамъ „али“ не въ силахъ причинить какое бы то ни было зло.

Кромѣ того, когда кто родится въ одинъ изъ дней отъ 15 октября по 7 ноября, его необходимо варечь Георгіемъ или Маріею; въ противномъ случаѣ, поворотившійся будетъ жертвою али: въ промежуткѣ означеннаго времени али будетъ приходить и неотвязчиво звать его по имени, и, какъ только выйдетъ онъ на дворъ, али схватитъ его и утащитъ къ себѣ. Рассказываютъ о слѣдующемъ случаѣ.

*) См. „Иверія“ 1886, № 227.

Недавно *) умерла одна дѣвушка Соломія. Она родилась въ мѣсяцѣ чинкобія. Ей покою не давалъ чинка. Онъ постоянно приходилъ и звалъ ее: „Соломія, выходи сюда, я тебѣ что-то покажу **).“ Соломія знала все и не выходила. Но однажды во снѣ донесся тотъ же зовъ. Она вскочила и моментально вышла изъ дому. Тутъ она наткнулась на чинку, который ей приказалъ: „Сядь на мою спину или я сяду на твою“. Чинка, недолго думая, выбросилъ ее къ себѣ на спину, понесся вихремъ и завелъ въ скалистую разсѣлину. Тутъ чинки пировали и, увидѣвъ Соломію, закричали въ одинъ голосъ: „Ага, наша Соломія пришла!“ Затѣмъ стали пѣть и завели хороводъ, что заставляли дѣлать и Соломію, но ранѣе предупредивъ ее ничего дурного не говорить, т. е. не произносить имени св. Георгія или Маріи. Чинки пропѣли пѣсню поочередно. Когда же очередь дошла до Соломіи, то она пропѣла свою пѣсню, закончивъ ее словами: „Святой Георгій, прокляни слѣдъ этихъ чинекъ“. При этихъ словахъ злые духи моментально исчезли, и Соломія вернулась домой.

Въ мѣсяцѣ чинкобія во всемъ, что ни дѣлаетъ человекъ, и чинки имѣютъ свою долю. Кто себѣ вяжетъ чулки, долженъ связать малюсевъкій чулокъ и для чинки; кто тветъ сукно, долженъ выткать и долю для нечистой силы и проч. Поэтому-то, предъ вязаніемъ чулокъ, крестьянки сначала вяжутъ малюсевъкій чулокъ, вмѣстимостью въ мизинецъ, и кладутъ на балконъ: онъ увѣрены, что ночью, придетъ чинка, надѣнетъ его и уйдетъ по-добру, по-здорову; если же этого не сдѣлать, то придетъ чинка и будетъ требовать: „Чулокъ давай, чулочекъ, а то изжарю тебя“.

Чинка любитъ скакать на лошади. Но онъ скачетъ, си-

*) Ibidem.

**) Зовъ можетъ быть услышанъ только тѣмъ, кого призываетъ чинка.

дя лицомъ къ хвосту лошади; притомъ, онъ чрезвычайно любить мять и узлить гриву и хвостъ лошади.

Свои волосы онъ бережно хранить и укрываетъ, опасаясь, что если даже одинъ волосокъ попадетъ въ руки человѣка, то онъ погибнетъ. По поводу этого существуетъ слѣдующій рассказъ.

Въ мѣсяцѣ чингобіа ѣхалъ на лошади священникъ въ какое-то селеніе. Вдругъ откуда ни возмись, подсѣлъ къ нему кто-то. Священникъ догадался, что это былъ чинка. Ментально досталъ онъ орарій, обвязалъ чинку и сказалъ: „Не смѣй шевельнуться, сатана, это печать св. Георгія“. Чинка одеревенѣлъ. Затѣмъ онъ сталъ умолять священника и упрашивать отпустить его, но священникъ не отпустилъ и привезъ домой; затѣмъ остригъ чинку и волосы его спряталъ подъ большимъ камнемъ. Чинка сталъ послушнымъ слугою: таскалъ священнику дрова, воду и пр. Однажды священникъ съ семействомъ пошелъ въ церковь. Дома остались только дѣти священника и чинка. Онъ развелъ огонь и поставилъ на немъ котелъ, чтобы сварить свинину. Дѣти сидѣли тутъ же. Чинка обратился къ нимъ съ мольбой: „укажите гдѣ мои волосы и вы будете осчастливлены мною“. Дѣти указали. Чинка досталъ свои волосы, затѣмъ обоихъ дѣтей бросилъ въ випятокъ и самъ исчезъ.

XV.

Домовой.

Домовой (ᠳᠣᠮᠣᠪᠣᠶᠢ) тоже похожъ на человѣка. Онъ обыкновенно живетъ по близости жилыхъ помѣщеній.

Человѣкъ во время сна всегда долженъ лежать на правомъ или лѣвомъ боку, но никакъ не на спинѣ—лицомъ вверхъ; въ послѣднемъ случаѣ, является домовый и ложится на спящаго такъ, что всѣ части его тѣла приходятся на соответствующія части тѣла человѣческаго. При этомъ духъ таеъ

нажимаетъ всѣмъ своимъ тѣломъ, что спящій, если не проснется во-время и не произнесетъ имени или Христа, или св. Георгія, непременно задохнется.

XVI.

Демоны и колдуны.

О демонахъ и вообще объ ихъ происхожденіи разсказывается слѣдующая легенда *).

Шли три путника: Соломонъ мудрый, его жена и служитель. Ихъ застигла ночь, и они расположились на берегу какой-то рѣки для ночлега. Прежде чѣмъ ложиться спать, они закинули сѣть и поймали три рыбки. Развели огонь, рыбокъ положили въ котелъ и начали ихъ варить. Рыба сварилась и котелъ сняли съ огня. Тогда Соломонъ сказалъ:

— „Меня всѣ называютъ мудрымъ, но я недоумѣваю, когда вспомню сонъ, который я видѣлъ прошлую ночь. Снилось мнѣ, что на моемъ ложѣ спитъ неизвѣстный человѣкъ; въ головахъ его росла яблоня съ плодами, въ ногахъ тоже яблоня, но съ такимъ количествомъ яблокъ, что дерево гнулось подъ ихъ тяжестью. Если это правда, то пусть оживетъ одна изъ пойманныхъ нами рыбъ, въ подтвержденіе моего видѣнья“.

Вода въ котлѣ зашумѣла, выскочила одна рыба и исчезла въ рѣкѣ.

Служитель сталъ затѣмъ разсказывать Соломону, что какой-то вѣщій голосъ твердилъ ему объ убійствѣ Соломона.

— „Если мое предчувствіе справедливо“, сказалъ служитель, стоя на колѣнахъ предъ своимъ повелителемъ: „то одна изъ двухъ сваренныхъ рыбъ пусть возвратится къ жиэни и послѣдуетъ за своей подругой, ожившей по слову твоему!“

Рыба ожила и погрузилась въ свою стихію; въ котлѣ

*) Сравни Истор. войны и влад. рус. на Кавк., т. I, стр. 158.

осталась только одна рыба. Царицѣ сдѣлалось дурно; она упала въ обморокъ, около нея васуетились, начали тереть ей грудь розовою водою. Очнувшись, царица призналась Соломону, что она замышляла убить его.

— „Двѣнадцать лѣтъ“, говорила она: „какъ я люблю Кундзулелія*), царя острововъ; справедливость этого подтвердить даже рыба безгласная“.

Послѣдняя рыба выпрыгнула вонъ и котель опустѣлъ. Соломонъ потребовалъ къ себѣ Кундзулелія, царя острововъ и правителя бѣсовъ. Онъ явился.

— „У меня есть мѣдный кувшинъ“, сказалъ Соломонъ: „если возьмешься наполнить его своими подданными, то выиграешь царицу“.

Кундзулелію принялъ предложеніе. Три дня и три ночи шелъ въ кувшинъ потокъ подвластныхъ ему демоновъ, но онъ все-таки не могъ наполниться до горлышка.

— „Полѣзай уже и ты“ сказалъ Соломонъ Кундзулелію: „а за тобою встаетъ послѣдуетъ и выигранная тобою царица— твоя любовница“.

Онъ влѣвъ, крышку захлопнули, и Соломонъ приложилъ къ ней свою печать. Оковавъ крестообразно кувшинъ, онъ велѣлъ его бросить въ самую глубь моря. Съ тѣхъ поръ не стало нечистой силы. Прошло послѣ того 15 вѣковъ, о злыхъ духахъ и помину не было. Грузины жили спокойно. Но однажды рыболовы вытащили этотъ кувшинъ и, думая найти кладъ, разбили его. Темной тучей разсыпались демоны изъ кувшина. Тѣ, которые попали въ воду, сдѣлались обладателями этой стихіи; инымъ удалось достигнуть лѣса и водвориться въ немъ; другіе устремились въ ущелья, въ горы, пещеры, пропасти и пр.

Такъ, злые духи завладѣли всею землею. Съ ними вошли

*) კუნძულო—островъ, კუნძულელი—островитянинъ.

въ сношеніе люди и преимущественно старухи, почему онѣ и называются კუდანები—колдуньями, вѣдьмами.

Одинъ разъ въ годъ, въ Страстной четвергъ, всѣ вѣдьмы собираются отовсюду на гору ალბუსი (Эльбрусъ) на шабашъ. Тамъ обитаетъ сатана (ტარტაროზი), имѣющій большіе глаза и страшные клыки. Изъ рта его исходитъ дымъ чадающій; глаза его огненные. Каждая вѣдьма, представляясь „тартарову“, бросаетъ ему въ ротъ камешки, выражающіе жертву и, чѣмъ больше камешковъ, чѣмъ жертва важнѣе. Самою цѣнною жертвою считается человѣкъ, и тогда сатана, проглотивъ его и оставшись очень доволенъ столь лакомымъ приношеніемъ, даетъ еще большій даръ чудесничества.

Путешествіе свое на гору Эльбрусъ вѣдьмы совершаютъ при помощи зелья—კვინტილი. Ночью, когда всѣ спятъ, вѣдьмы встаютъ, намазываютъ этимъ зельемъ первый попавшійся имъ подъ руку предметъ: будетъ ли то метла, кувшинъ, камень или животное—все равно; сѣвъ на него верхомъ и выдѣтѣвъ въ трубу, онѣ въ одно мгновеніе достигаютъ Эльбруса. Больше же всего онѣ любятъ путешествовать на кошкахъ.

Чтобы предостеречь себя отъ посѣщеній вѣдьмъ, въ Страстной четвергъ зажигаютъ на дворѣ каждаго дома костры изъ соломы (ჭა-კოკონა) и потомъ начинаютъ перепрыгивать черезъ костеръ раза три и при этомъ заклинаютъ злыхъ духовъ словами:

არი ურული, ურული, ურული, კუდანები!
 Есть черти, черти, черти хвостастые!

Во многихъ мѣстахъ, вмѣсто этого, заслоняютъ крестообразными вѣтками шиповника окна, двери и отверстія трубы въ домѣ.

Учитель грузинскаго языка въ Тифлисскомъ
 реальномъ училищѣ М. Джамашвили.